

ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО КАК ДИСКУРСИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ФАНТАСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЗДНЕЙ ПРОЗЫ В. Д. КОЛУПАЕВА)¹

Рассмотрены проблемы взаимодействия институционального и персонального в идиодискурсе В. Д. Колупаева и особенности результирующего синтетического дискурса. Исследование текстов поздней прозы томского фантаста показало, что синтетизм дискурса отражает интегральный характер его индивидуально-авторской картины мира и своеобразии языковой личности В. Д. Колупаева как фантаста-писателя и фантаста-физика. Постепенное нарастание синтетизма в идиодискурсе В. Д. Колупаева можно проследить на материале трех его последних опубликованных работ: «Пространство и Время для фантаста», «Безвременье» и «Сократ Сибирских Афин». Результатом синтетического взаимодействия институционального и персонального становится трансформация научной и художественной прозы В. Д. Колупаева в философскую. Основными средствами синтеза являются жанровая форма пародии, Я-повествование и многозначные имена ключевых концептов.

Ключевые слова: творческая языковая личность, персонализация институционального дискурса, синтетический дискурс, концептуальная интеграция.

Социолингвистическая типология дискурсов, базирующаяся на противопоставлении статусно-ориентированного и лично-ориентированного общения и утвердившаяся в отечественной традиции благодаря работам В. И. Карасика (см.: [1, 2]), с одной стороны, способствовала систематизации выделенных ранее функционально-тематических разновидностей дискурсов, с другой – обратила внимание отдельных исследователей на возможность взаимодействия институционального и персонального начала в рамках той или иной дискурсивной практики. Это взаимодействие отмечается прежде всего на периферии различных видов институционального дискурса, связывается с определенным набором жанров, квалифицируется как незначительно модифицирующее базовый тип и обозначается термином «гибридность» (см., напр.: [3]). Механический, конфликтный характер соединения частей таких «дискурсивных гибридов» обуславливает их аномальность и маргинальность. Однако взаимодействие институционального с персональным может осуществляться и в варианте синтеза, предполагающего снятие конфликта, качественное перерождение исходных составляющих в результирующем целом, и подобного рода сложные дискурсивные образования, безусловно, тяготеют к центру базового типа (каковым в данном случае выступает персональный дискурс). Как представляется, именно такой вариант межтипового дискурсивного взаимодействия реализован текстами поздней художественной и паражудожественной прозы томского фантаста Виктора Дмитриевича Колупаева (1936–2001), включая:

– эстетико-методологический манифест «Пространство и Время для фантаста» (1994) [4];

– роман «Безвременье» (2000, в соавторстве с Ю. И. Марушкиным, главы с участием виртуального человека) [5];

– фантастическую пародию «Сократ Сибирских Афин» (2001) [6].

В ситуации отсутствия прецедентов описания синтетического взаимодействия институционального и персонального дискурсов (результаты исследования Т. В. Киреевой документально-художественного синтеза как дискурсивной стратегии автора «Архипелага ГУЛАГа» [7] привлекать для сравнения затруднительно по причине его лингвориторической направленности) мы вынуждены пока ограничить сферу применения полученных выводов исследованиями идиодискурса Колупаева, хотя и не исключаем возможности, что отдельные обнаруженные аспекты синтетического взаимодействия институционального и персонального дискурсов могут оказаться типическими для разных уровней обобщения «синтезирующей» языковой личности (ср.: творческая языковая личность, языковая личность писателя /фантаста/, языковая личность томского писателя /фантаста/ и т. п.).

С целью упорядочения изложения сразу представим ряд ключевых положений нашей концепции. Итак, синтетическое взаимодействие институционального и персонального дискурсов в поздней прозе Колупаева:

1) является адекватным способом репрезентации его *картины мира*, потенциальный синтетизм которой, в свою очередь, обусловлен особенностями *языковой личности* автора и той *инфосферы*, в которой он дискурсивно реализуется;

2) осуществляется не как частичная, но как *полная персонализация* институционального и влечет

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 14–14–70003 «Лингвокультурное своеобразие региональной инфосферы: творческая языковая личность».

за собой появление *нового видового качества* результирующего дискурсивного образования;

3) в плоскости текста манифестируется как *процесс*, что предполагает его постепенное *нарастание* в рамках рассматриваемого корпуса произведений и определяет отбор *жанровых и речевых техник* дискурсопорождения для каждого из них.

Прокомментируем заявленные тезисы.

1. Свойственная творческой личности способность продуцировать синтетический дискурс принципиально отлична от обычной дискурсивной компетентности представителя элитарной речевой культуры, проявляющейся в навыке воспринимать и порождать речевые сообщения в соответствии с прагматическим контекстом, поскольку в первом случае обязательным является предшествующее текстовосприятию и текстопорождению наличие элементов интеграции картин мира разных типов в рамках индивидуально-авторской, в то время как во втором имеет место уровневая дифференциация когнитивной информации. Синтетический дискурс поздней прозы Колупаева – отражение его синтетического (или стремящегося к синтетизму) мировидения, т. е. авторской картины мира, строящейся по принципу целенаправленной концептуальной интеграции научного и художественного.

Как известно, в отечественной когнитивной лингвистике последних десятилетий взаимосвязь и взаимообусловленность концептуального (когнитивного) и дискурсивного под сомнение не ставится; рассмотрение дискурса как смыслопорождающей и миромоделирующей среды оказалось весьма продуктивным для российской лингвоконцептологии, поскольку привело к дифференциации принципов (а значит, и к усовершенствованию методики) анализа когнитивных образований различной дискурсивной природы (обыденных и научных, художественных и фольклорных, философских и религиозных и т. п.). Одновременно обнаружилась способность отдельных концептов перемещаться в иные дискурсивные среды и, с другой стороны, стали очевидными высокие рецептивные и адаптивные возможности художественного дискурса, активно вовлекающего инодискурсивные концепты в «строительство» эстетической картины мира (см., например, описание О. В. Орловой современной манифестации художественного концепта «нефть» как результата «эволюционного взаимодействия информационно-интерпретационных импульсов предшествующей традиции эстетического воплощения нефтяной тематики и активной дискурсивной миграции одноименного медиаконцепта в дискурсы... массовой и элитарной художественной литературы» [8, с. 269–270]).

Отмеченная взаимная «активность» концепта и дискурса, разумеется, должна пониматься фигу-

рально, поскольку истинной активностью может обладать только конструктор картины мира и дискурса – языковая личность, а чтобы концепт и дискурс проявили свою мобильность, пластичность, адаптивность, нужна *сознательная* деятельность творческой языковой личности, направленная на интеграцию дифференцированных моделей мира.

Несмотря на то, что данный процесс нашел отражение в самых разнообразных художественных дискурсивных практиках, текстовые механизмы интеграции смыслов не получили на данный момент достаточного лингвистического осмысления: в работах лингвоперсонологической направленности обычно недостаточно отчетливо говорится об обусловленности дискурсивных особенностей текстов философской лирики, исторической прозы, научной фантастики и других синтетических жанров стремлением автора адекватно выразить в них единую, но сложно организованную картину мира (либо отсутствием единого взгляда, когда картина мира является противоречивой, «лоскутной», поскольку автор безуспешно пытается прийти к синтезу или же не осознает проблему интеграции как таковую). На наш взгляд, существенным упущением это является в тех случаях, когда исследователь имеет дело с языковой личностью, имеющей специфический «долитературный» (или «синхронный» литературному) профессиональный опыт. «Приход в литературу» из «нелитературных» сфер стимулирует языковую личность к концептуальному интегрированию и дискурсивному синтезированию, поскольку порождает внутреннюю потребность в упорядочении и согласовании генетически и функционально разнородных представлений о мире (полученных путем его естественнонаучного, теоретико-логического, художественно-поэтического, религиозно-мистического и другого постижения). Этот факт, как представляется, не вполне осознан в современной лингвоперсонологии, так что пока мы имеем лишь отдельные наблюдения относительно важности некоторых «медицинских» концептов (например «болезнь») в творчестве «писателей-врачей» (А. П. Чехова, М. А. Булгакова – см. [9, 10] и др.), что, впрочем, часто оценивается как некий «остаточный» элемент в структуре художественной картины мира.

А между тем для многих писателей, пришедших в литературу с определенным «профессиональным багажом», потребность в выстраивании целостной картины мира становится экзистенциальной необходимостью, поскольку существование в раздвоенности, в разобщенности ипостасей («Я-писатель» и «Я-врач / физик / биолог / ...») для них неприемлемо. В первую очередь, как нам кажется, это касается «профессионально подготов-

ленных» фантастов. Для них фантастическая «специализация» в литературе сама по себе есть знак того, что «писатель от науки» взял курс на интеграцию картин мира, осознав фантастику не только как максимально адаптивную среду для миромоделирования, но и как заведомо синтетический жанр художественного дискурса. Поэтому, озаглавливая свое «краткое и беллетризованное изложение проблемы Пространства и Времени» [4], «Пространство и Время для фантаста», Колупаев имел в виду, что представляет понимание этих категорий, равно актуальное для него как *писателя-фантаста*, *простраивающего* художественный хронотоп своих произведений, и *физика-фантаста*, пытающегося осмыслить основные принципы мироустройства.

Действительно, и биография Колупаева (подр. см.: [11]), и его устные и письменные высказывания (см., напр., предисл. к [4]) не оставляют сомнений в том, что именно взаимодействие персональных познавательных потребностей и институциональных гносеологических установок определило особенности формирования и дискурсивного воплощения картины мира фантаста. Однако не меньшую значимость для инициирования процессов интеграции-синтезирования имело его длительное пребывание в той специфической культурной среде, которую представляет собой Томск.

То, что когда-то сам Колупаев в предисловии к сборнику «Сказки мегаполиса» назвал Томск «фантастическим» городом [12], с опорой на текст его «вводной статьи» воспринимается исключительно как указание на то, что в Томске есть много оригинальных, талантливых фантастов, однако с учетом более широкого (дискурсивного и культурного) контекста можно понимать данный эпитет как «качественный», а не «относительный»: «фантастический» город – это такой город, который обеспечивает перманентную реактуализацию фантастической парадигмы мировидения, создавая и поддерживая условия для взаимодействия генетически и функционально разнородных картин мира. Эти возможности определяются прежде всего университетским статусом Томска, с учетом которого можно рассматривать фантастический дискурс как символическое «университетское» единство (ср. лат. *universitas* «общность») «физики» и «лирики». При этом установление специфической связи характеристик «город студентов» и «наукоград» обнаруживает диалектику персонального («я – студент») и институционального («мы – кадры») в университетском образовании.

Перифрастическое обозначение Томска как «Сибирских Афин», на первый взгляд, также отсылает к университетскому статусу города, однако для Колупаева (особенно отчетливо в [6]) Афины являются еще и неким прототипическим образом

культурной эпохи, характеризующейся исходной целостностью мировидения и, соответственно, задающим идеал концептуальной интеграции и дискурсивного синтезирования.

Дискурсивная реализация в условиях томской инфосферы предполагает возможность мены ролей агента и клиента научно-образовательного дискурса («образовывающего» и «образовываемого»), поэтому стремление Колупаева построить единую, непротиворечивую картину мира («для себя» и «для других», для людей, которым не чуждо ничто человеческое, и размышление об основах мироздания – тоже, ср.: *Осознанно или не осознанно об этом <о времени> думают все* [4]) представляет собой попытку одновременно преодолеть разрыв между своими познавательными возможностями, познавательными возможностями «Учителей» (*всех когда-то живших, ныне живущих и еще не родившихся философов* [6]) и «Учеников» (вдумчивых читателей как «званных на пир», участников метафорического *симпосия / симпозиума* [6]).

2. Процесс персонализации институционального дискурса (причем с опорой на изменения его когнитивной основы), можно сказать, описан самим Колупаевым в предисловии и заключении к [4] и должен быть охарактеризован как челночно-образное движение между полюсами персонального и институционального дискурса (в статусе сначала клиента, а потом и агента) с постепенным накоплением потенциала дискурсивной реализации синтезируемой картины мира: (а) «не понимаю, поэтому и молчу»: *Я выучил доказательство этого закона по учебнику, а когда вышел на уроке отвечать, не мог открыть рта*; (б) «понимаю, но выразить не могу»: *я знал весь сюжет, но слов еще не было*; (в) «понимаю и свободно излагаю»: *И тогда я без особых затруднений написал черновик в две тысячи страниц*.

Для языковой личности эта эволюция предполагает прохождение ряда этапов: получение первичного импульса (при взаимодействии с самим объектом), осознание проблемы и формирование исходной (лично окрашенной) позиции (далее в цитатах из [4] подчеркивание наше, выделение жирным – авторское): *я впервые обнаружил, что существуют Пространство и Время. <...> Жуткий восторг охватил меня. Восторг и страх перед бесконечностью Пространства и Времени. А в то, что они бесконечны, я поверил сразу*; поиск институциональной поддержки своей концепции: *И хотя в ту ночь я узнал о Вселенной, Пространстве и Времени все, мне захотелось убедиться, что я прав*, освоение (персонализация) чужого опыта: *Так у меня появились личные, только мои книги; Меня даже не расстроил тот факт, что*

мысль, к которой я пришел, известна давным-давно. Пусть так. Но я-то сделал это открытие сам; формирование критического взгляда на институциональную традицию, отказ от представления о наличии готового решения, возобновление и интенсификация поиска: *Но вскоре начались и сомнения. Первым звонком был закон инерции. Он оказался мне скучным; вопросов накопилось много; детское, но непреодолимое желание понять все, да еще в короткий срок, прошло; Моя первая, детская библиотека пропала. Я начал собирать новую; осознание ограниченности институционального и выход в метапозицию, открывающий возможность нового видения. Я шел не той дорогой. <...> Я находился в тисках субстанциальной концепции Пространства и Времени. Я бился и над континуальной и над дискретной моделью, все было напрасно. И даже когда я перешел с субстанциальной концепции на реляционную... все равно передо мной стояла стена, и ни одной трещинки не было в ней. И тогда я начал писать фантастические рассказы. <...> Главным, что дала мне фантастика, было какое-то раскрепощение сознания. Я постепенно учился мыслить нестандартно; получение вторичного импульса (при взаимодействии с институциональной традицией) и реализация момента концептуальной интеграции в форме инсайта: И прорыв наступил... в день рождения Альберта Эйнштейна... чем ближе подходил этот день, тем больше появлялось статей и книг об Эйнштейне и его научных трудах, тем интенсивнее я размышлял. <...> Работал в библиотеке я с утра до обеда. <...> ...Вышел покурить в пустую курилку. Ходил там из угла в угол и вдруг все понял; работа над оформлением (дискурсивным воплощением) обретенного знания, вписывание его в институциональный контекст: Я знал все. Но это все было свернуто в точку. <...> «Точка» так просто не оформится в слова. <...> Параллельно я начал свою систематизацию физики; появление адекватного выражения концепции: да, так все оно и есть – понятия Пространства и Времени не просто реляционные, а субъективно-реляционные; фиксирование персональной позиции, отказ от ее развития в институциональных рамках: Для себя я разработал физический аспект концепции Пространства и Времени и дальше этой проблемой заниматься не намерен. Дальнейшая разработка этой \diamond теории \diamond не моя забота. Хотя я отчетливо представляю, что нужно сделать, чтобы некая группа физиков быстро и математически достоверно разработала ее, объединив в общую картину все области фундаментальной физики.*

Сосредоточение на персональной составляющей дискурсивной деятельности естественным

образом приводит Колупаева к поиску новых форм ее выражения в художественном творчестве, и процесс этого поиска отчасти заметен уже в [4], находит парадоксальное отражение в [5] и приносит зримые плоды в дискурсивной организации [6].

Механизм преобразования дискурсивных характеристик поздней прозы Колупаева в целом можно соотнести с известной гегелевской схемой «тезис – антитезис – синтез» («персональное» – «институциональное» – «персонализированное»). Такой способ взаимодействия отличен от простого поглощения (ассимиляции), поскольку возобладавшее (персональное) начало подвергается серьезной модификации, связанной не столько с прямым влиянием подвергнувшегося персонализации институционального (научного, физического), сколько со взаимодействием видов дискурса (базового художественного и произрастающего на его основе, но когнитивно связанного с научным философского) внутри типа и подтипа (персонального бытийного). Именно появление «философского измерения» персональности является особенностью дискурсивного синтезирования Колупаева-фантаста.

Казалось бы, преодоление разрыва в познавательных возможностях участников общения успешно осуществляется в такой разновидности дискурса, как научно-популярный, однако Колупаев не стремится адаптировать научную картину мира к обыденному восприятию, но пытается ее «сублимировать», поднять до уровня универсальной (а не специальной) значимости и тем самым создать предпосылки для личностной актуализации смыслов. В результате институциональное элиминируется как ненужный посредник во взаимодействии разных подтипов и видов персонального (бытового и бытийного, художественного и философского).

Почему мы настаиваем на том, что не только [5] и [6], но и [4] не имеет отношения к популяризации (хотя автор и называет его «кратким и беллетризованным изложением», предлагаемым читателю с целью «привлечь внимание к основному... труду», т. е. научной монографии «Пространство и Время. (Физический аспект)» (1973–1993), которую Колупаеву так и не удалось опубликовать)? По мнению Колупаева, популяризации (и вообще адаптации) поддается только мертвое (догматическое), но не живое (поисково-эвристическое) знание. Последнее нужно воспринимать из первоисточников, взаимодействие которых отражает сложную диалектику генезиса научной картины мира как институционального достояния, сформировавшегося на базе персональных достижений (ср. в связи с этим понимание учебника как жанра деперсонализированного дискурса, не способного натолкнуть на решение лично значимых во-

просов: *Но в учебники я заглядывал редко, там трудности в физике обходились, и мне это было неинтересно. Я понял, что нужно изучать труды людей, которые создавали физику. Они никогда не скрывали проблем, стоявших перед ними* [4].

Поэтому вместо популяризации Колупаев предлагает читателю разнообразные корреляции мира ноуменов и мира феноменов, которые могут интерпретироваться как ряд физических и одновременно символических (символистских, бодлерианских) соответствий (*correspondances*). Перечень феноменов, скрывающих «сущность вещей», но несущих косвенную информацию о ноумене (по наблюдаемому – характеру изменения пространства, направлению и темпу течения времени, типу причинности, скорости объектов, наличию или отсутствию симметрии, результату умножения два на два и т. п. – можно судить о недоступном наблюдению – скорости фундаментального взаимодействия), достаточно широко варьируется, а связь его с ноуменом явно противоречит здравому смыслу или, по крайней мере, неочевидна (обнаруживается только в момент озарения): *Если скорость фундаментального взаимодействия уменьшается, то на уровне явлений имеет место запаздывающая причинность, в которой следствие меньше причины. Это – наш мир* ([4] – выделение жирным авторское, подчеркивание наше); *Но скажи я, что для Фундамента А меньше А и дважды два – меньше четырех, он бы опять взвился, начал бы орать, что я дурю ему голову* ([5] – подчеркивание наше); *То ли я язык во рту себе отлежал, то ли какая дурь меня укусила, но только неожиданно для самого себя я спросил: – А вот говорят, Сократ, что дважды два – четыре? <...> – Вот видите, – сказал Сократ. – Я же говорил вам, что если этот глобальный человек задаст вопрос, то как колуном им по голове ударит!* ([6] – подчеркивание наше), однако все феномены по-своему дополняют и «по-ясняют» друг друга (за счет чего и достигается эффект не популяризации, но «приближения» научного знания к читательскому персональному опыту, в том числе и обыденному).

«Сублимация» научного дискурса в философский (а не адаптация его к уровню восприятия «неподготовленного» читателя) оказывается для Колупаева весьма продуктивной по той причине, что философский дискурс (как и в данном случае «рамочный» для него фантастический) имеет высокий потенциал синтезирования. Статус «царицы наук», обеспечивающей «целостность научной парадигмы» (общность методологических оснований исследований в самых разных областях познания), приводящей разрозненные концептуальные системы к единому знаменателю, не отменяет способности философии принимать форму образного по-

стижения мира и согласовывать направление, ход и результаты научного и художественного его познания. Поскольку эта способность в отдельные исторические эпохи проявляется более отчетливо, в процессе «фантастического синтезирования» эти эпохи могут выступать в качестве «культурного образца», воплощающего единый стиль («стильное единство» [13, с. 6]) во всем. Такой эпохой, вне сомнения, является античность с ее величайшими мудрецами – философами, учеными и поэтами в одном лице (подр. см.: [14]). Таким образом, актуализация образа Афин и появление античных персонажей в [5, 6] представляется закономерной не только в связи с отмеченной выше важностью «образовательного» контекста концептуального интегрирования и дискурсивного синтезирования, но и в связи с «эталонностью» античной философии в аспекте ее организующих, упорядочивающих, гармонизирующих, т. е. «косметических» (в смысле преобразования Хаоса в Космос) возможностей.

3. Чтобы стать путем утверждения персонального, синтетического дискурс должен стать дискурсивным синтезированием (ср. известную фразу М. Хайдеггера *философия есть философствование*, акцентирующую и личностный, и процессуальный характер знания / познания). Синтезирование осуществляется (синтетический дискурс творится) «онлайн», на глазах у читателя, который может наблюдать всю «кухню», все «лабораторные эксперименты» автора, включая неудачные. От осознания необходимости концептуального интегрирования / дискурсивного синтезирования и свойственных перспектам репрезентативных примеров в [4] через отрицательный опыт [5] Колупаев настойчиво движется к своей стратегической цели и в [6] представляет механизмы ее успешной реализации.

Основными средствами достижения интеграции и синтеза в текстах поздней прозы Колупаева являются: (а) жанровая форма, (б) тип нарратива, (с) способ текстовой семантизации имен ключевых концептов. Охарактеризуем их в самых общих чертах.

А. Идеальной жанровой средой дискурсивного синтезирования для Колупаева становится не просто фантастический роман, но роман-пародия. Эта форма понимается Колупаевым довольно специфически – с акцентом не на комическом эффекте от ее использования (хотя, конечно, пародирование способствуют синтезу не только социолингвистических, но и прагмалингвистических характеристик дискурса, ср. персональное vs институциональное общение и ироническая vs патетическая тональность), а на актуализируемые с ее помощью *интертекстуальные* (и интердискурсив-

ные) связи. В [4] интертекстуальность реализуется еще очень ограниченно и тяготеет к «научному» варианту (чужие тексты входят в колупаевский преимущественно в форме эпитафов и атрибутированных точных или свободных цитат; несколько выпадает из этой традиции появление маргиналий – цитат на полях, не вписанных в основной текст структурно, но семантически ассоциированных с ним и формирующих своеобразный контекст размышлений автора и читателя). В [5] чужое слово начинает использоваться уже как «анонимный» прецедент, а в [6] автор переходит к вольному оперированию самыми разнообразными «опорными материалами» (ср.: *Прошу прощения у всех когда-то живших, ныне живущих и еще не родившихся философов за то, что я в этом романе не только использовал их мысли и идеи, но и всячески их искажил и перевернул*). Важно отметить, что наряду с локально используемыми прототекстами для [6] можно вычленил и некий комплекс «сквозных» прототекстов, к которым в первую очередь следует отнести «Диалоги» Платона (и шире – сократические диалоги вообще). Эта особенность [6] является одним из факторов порождения философского качества дискурса.

В. Персонализация институционального на уровне нарратива осуществляется за счет введения фигуры рассказчика, которая специфическим образом соотносится, с одной стороны, с озабоченным проблемой концептуальной интеграции автором, с другой – с фигурой наблюдателя в неклассической физике (субъекта, одно присутствие которого влияет на объект). Если в [4] рассказчик и автор практически идентичны, то уже в [5] Колупаев предельно дистанцируется от своего рассказчика (*виртуального человека*) с целью продемонстрировать невозможность достижения «всеслиянности» без персонального вложения, самоотдачи, вочеловечения (ср. характеристику виртуального человека как *безобразного, как ограниченной сингулярности /в отличие от сингулярности Вселенной/ и осознание им ущербности безвременья, ограниченного людочеловеческим временем /именно поэтому виртуальный человек и не является в [5] единственным рассказчиком/*). В [6] же рассказчик (*глобальный человек*) хочет и может создать из Хаоса Космос, и на протяжении всего повествования методом проб и ошибок (анализируя наследие мыслителей всех времен и народов, проигрывая в своем сознании и тем самым объективируя различные картины мира) идет к этому, обретая в финале собственное имя, индивидуальную судьбу и подлинную широту, всеохватность мысли Платона (*– Может, примем во внимание «широкий» стиль его произведений? – предложил Сократ. – И широкий нос и лоб, – подхватил Протагор. – А вот грудь, спина и плечи*

у него действительно широкие, – сказала Баубо и обняла меня. – У него и мысли широкие! – Так, значит, решено! – Объявил Сократ. – Назовем его «Широким»? – Решено! – поддержали Сократа все, даже я сам, и подняли полные чаши. – За «Широкого», за Платона, то есть!).

С. В синтетическом дискурсе поздней прозы Колупаева наблюдается диалектическое взаимодействие одноименных, но разнодискурсивных концептов. Нарастание синтеза предполагает переход от ситуативной актуализации одного из семантических вариантов номинирующей концепт многозначной лексемы (в рамках отдельного текста или корпуса текстов поздней прозы) к «симультанной» реализации ее семантических вариантов (в одном и том же словоупотреблении); ср., например, (1) функционирование слова *время* в [4] с «контекстуально разнесенными» (иногда дополнительно графически или грамматически отмеченными) значениями «универсальная физическая и философская категория»: *то Время, которое... само по себе, и в котором живу я вся Вселенная, «длительность существования»: О быстротекущем времени, о невозвратном времени, о невозможности остановить его или хотя бы растянуть, думает, конечно, каждый, «момент в смене дней, часов» красиво и в то же время жутковато, «отрезок в смене дней, часов»: много времени проводил в научной библиотеке, «культурно-историческая эпоха»: Здесь нужно иметь в виду, что это были за времена. Вот лишь несколько цитат из научной литературы того времени и (2) возможное только применительно к глобальному человеку использование слова *припомнил* в [6] одновременно для обозначения процесса восстановления в памяти и анамнезиса (познания как припоминания душой о пребывании в мире эйдосов). Такой способ семантизации имен ключевых концептов практически отсутствует в [5] (там псевдосинтез и псевдоинтеграция на речевом уровне маркируются многочисленными оксюморонами (часто многоаспектными, типа *хрыч молодой*, когда противоположность значений усугубляется экспрессивной и /или функциональной противопоставленностью), не имеющими отношения к игре слов, но указывающими на взаимоуничтожение семантических составляющих (плюс на минус дает ноль, отсюда характеристика виртуального человека как *безобразного*, способного мгновенно *увернуться* в кого и во что угодно, но не являющегося никем и ничем).*

Как представляется, рассмотренные особенности синтетического взаимодействия институционального и персонального в поздней прозе Колупаева требуют дальнейшего уточнения и детализации. В первую очередь это касается последнего из кратко освещенных аспектов (речевых техник

синтетического дискурсопорождения). В связи с этим наиболее перспективным направлением исследований в обозначенной области, безусловно, является анализ текстового моделирования лежащей в основе синтетического дискурса интегральной картины мира Колупаева (начатый нами на материале реконструкции концептов, реализующих идею первоначала, см. [15, 16]).

Список литературы

1. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
3. Крапивкина О. А. Оппозиция «институциональное vs персональное» в юридическом дискурсе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. «Гуманитар. науки». 2012. № 3. URL: <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php?—gn12—03/440> (дата обращения: 01.04.2014).
4. Колупаев В. Д. Пространство и Время для фантаста. URL: http://www.belmamont.ru/index.php?action=call_page&page=product&product_id=298 (дата обращения: 01.04.2014).
5. Колупаев В. Д., Марушкин Ю. И. Безвременье. URL: http://royallib.ru/book/kolupaev_viktor/bezvremente.html (дата обращения: 01.03.2014).
6. Колупаев В. Д. Сократ Сибирских Афин. URL: http://royallib.ru/book/kolupaev_viktor/sokrat_sibirskih_afin.html (дата обращения: 01.03.2014).
7. Киреева Т. В. Документально-художественный синтез как дискурсивная стратегия литературной личности: лингвориторический подход (А. И. Солженицын, «Архипелаг ГУЛаг»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2012. 23 с.
8. Орлова О. В. Дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта: жизненный цикл и миромоделирующий потенциал. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2012. 354 с.
9. Касьяненко Н. Е. Концепты «боль» и «болезнь» и их речевые реализации в русском языке // Восточноукраинский лингв. сб. 2006. Вып. 10. С. 341–353.
10. Виноградова М. С. Реконструкция языковой картины мира позднего Чехова (на материале художественной прозы 1898–1903 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2008. 17 с.
11. Виктор Дмитриевич Колупаев: библиограф. указатель / сост. А. В. Яковенко. Томск, 2005. 48 с.
12. Колупаев В. Д. Томск – «фантастический» город // Сказки Мегалополиса. Томск: Образ, 1991. С. 3–7.
13. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. 959 с.
14. Никиенко И. В. Пушкинский текст в «Сократе Сибирских Афин» В. Д. Колупаева // Сиб. филол. журн. 2012. № 4. С. 104–113.
15. Никиенко И. В. О смысловой структуре концептов, воплощающих идею первоначала в «Сократе Сибирских Афин» В. Д. Колупаева (на материале концепта «Вода») // Русская речевая культура и текст. Томск: Изд-во ЦНТИ, 2012. С. 142–150.
16. Никиенко И. В. Вода как онтологическая и гносеологическая среда: особенности художественной адаптации философского концепта «первоначало» в «Сократе Сибирских Афин» В. Д. Колупаева // Вестн. Томского гос. ун-та. Филология. 2013. № 1 (21). С. 57–67.

Никиенко И. В., кандидат филологических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: inikienko@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 21.08.2014.

I. V. Nikiyenko

PERSONALIZATION OF INSTITUTIONALITY AS A FANTAST'S DISCOURSIVE STRATEGY (BASED ON V. D. KOLUPAYEV'S LATER PROSE)

The article deals with the problems of interaction between institutional and personal in V. D. Kolupayev's idiodiscourse and the specification of the resulting synthetic discourse. The study of Tomsk fantast's later prose showed, that syntetism of discourse reflects the integrated nature of author's individual picture of the world and linguopersonological peculiarities of V. D. Kolupayev as a science fiction writer and a physicist. One can see the growing synthesis of V. D. Kolupayev's idiodiscourse in his last published works: «Space and Time for the fantast», «Timeless», «Socrates of the Siberian Athens». Synthetic interaction between institutional and personal causes the transformation of scientific and art prose into philosophical. Basic means of synthesis are the genre of parody, the first-person narrative, and the polysemantic keywords.

Key words: *creative language personality, personalization of institutional discourse, synthetic discourse, conceptual integration.*

References

1. Karasik V. I. On types of discourse. *Language personality: institutional and personal discourse*. Volgograd, Peremena Publ., 2000. Pp. 5–20 (in Russian).
2. Karasik V. I. *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p. (in Russian).
3. Krapivkina O. A. Opposition «institutional vs personal» in legal discourse. *Modern Science: actual problems of theory and practice. Series Humanities*, 2012, no. 3. URL: <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php?—gn12–03/440> (Accessed: 1 April 2014) (in Russian).
4. Kolupayev V. D. *Space and Time for the fantast*. URL: http://www.belmamont.ru/index.php?action=call_page&page=product&product_id=298 (Accessed: 1 April 2014). (in Russian).
5. Kolupayev V. D., Marushkin Yu. I. *Timeless*. URL: http://royallib.ru/book/kolupaev_viktor/bezvremene.html (Accessed: 1 April 2014) (in Russian).
6. Kolupayev V. D. *Socrates of the Siberian Athens*. URL: http://royallib.ru/book/kolupaev_viktor/sokrat_sibirskih_afin.html (Accessed: 1 April 2014) (in Russian).
7. Kireeva T. V. *Documentary-fictional synthesis as a discursive strategy of a literary personality: linguo-rhetoric approach (A. I. Solzhenitsyn, "The Gulag Archipelago")*. Abstract of thesis candidate of philol. sci. Nalchik, 2012. 23 p. (in Russian).
8. Orlova O. V. *Discursive and stylistic evolution of media concept: life cycle and world modeling potential*. Tomsk, TGPU Publ., 2012. 354 p. (in Russian).
9. Kas'yanenko N. Ye. The concepts "pain" and "illness" and their language realization in Russian. *East-Ukrainian linguistic collection*, 2006, issue 10, pp. 341–353 (in Russian).
10. Vinogradova M. S. *Reconstruction of later Chekhov's language picture of the world (based on fiction of 1898–1903)*. Abstract of thesis candidate of philol. sci. Tver, 2008. 17 p. (in Russian).
11. *Viktor Dmitriyevich Kolupayev: biobibliographic index*. Comp. A. V. Yakovenko. Tomsk, 2005. 48 p. (in Russian).
12. Kolupayev V. D. *Tomsk is a "fantastic" city. Tales of Megalopolis*. Tomsk, Obraz Publ., 1991. Pp. 3–7 (in Russian).
13. Losev A. F. *Essays on ancient symbolism and mythology*. Moscow, Mysl' Publ., 1993. 959 p. (in Russian).
14. Nikiyenko I. V. "Pushkin's text" in «Socrates of the Siberian Athens» by V. D. Kolupayev. *Siberian Philological Journal*, 2012, no. 4, pp. 104–113 (in Russian).
15. Nikiyenko I. V. On the semantic structure of concepts that embody the "first principle" idea in «Socrates of the Siberian Athens» by V. D. Kolupayev (concept "Water"). *Russian speech culture and text*. Tomsk, Tomsk TsNTI Publ., 2012. Pp. 142–150 (in Russian).
16. Nikiyenko I. V. Water as an ontological and gnoseological environment (peculiarities of the artistic adaptation of the philosophical concept «first principle» in "Socrates of the Siberian Athens" by V. D. Kolupayev). *Tomsk State University Journal of Philology*, 2013, no 1 (21), pp. 57–67 (in Russian).

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: inikienko@yandex.ru